

# Навсегда с нами

Не стало Дмитрия Хворостовского

Мария БАБАЛОВА

Он ушел красивый, 55-летний и безмерно талантливый... Весь мир верил, что ему под силу победить роковую болезнь. Победить также безоговорочно, как он всегда побеждал на протяжении своей такой короткой, но бесприммерно яркой жизни.

Когда он выходил на сцену – высокий, широкоплечий, со всеми узнаваемой копной седых волос и лучезарной улыбкой, казалось, он самый счастливый человек на Земле, не знающий преград власти мира.

Два с половиной года выдающийся певец вел свой последний бой с убийственной болезнью – опухолью головного мозга. И когда после вынужденной

трехмесячной паузы в сентябре 2015-го он триумфально вернулся на сцену, выступив в опере Верди «Трубадур» в нью-йоркской «Метрополитен», родилась надежда на то, что чуду быть! Но выдающегося певца не стало ранним утром 22 ноября 2017 года в одной из лондонских клиник.

Талант, родившийся «во глубине сибирских руд», открыла миру великая Ирина Архипова, у которой было уникальное чутье на истинные дарования. Но первой, кто заметил одаренного парня, была Галина Астанина, скромный педагог в училище. Потом – трудные годы учебы в Красноярском институте искусств у Екатерины Иофель, которая далеко не сразу оценила своего ученика.

Первый серьезный успех мирового масштаба Дмитрий Хворостовский познал в 27 лет, сенсационно взяв Гран-при конкурса Cardiff Singer of the World 1989 года. Сибирский молодец своим умопомрачительно красивым голосом мгновенно влюбил в себя миллионы.

«В детстве мое сознание упорно рисовало мне одни и те же конкретные параллели: вот я и Паваротти, вот я и Доминго, – вспоминал Дмитрий Хворостовский в одном из многих интервью, что посчастливилось мне записать с ним. – И никаких иных вариантов! Когда я начинал петь, я был совершенно сумасшедшим. Меня ничто и никогда не могло остановить. Я пел целыми днями. Меня мама звала Петушок. Я этим бредил, с ума сходил от огромного желания кем-то стать, состояться в жизни. Доказать всем и, прежде всего, своим родителям, что я чего-то стою. Я хотел петь на больших сценах. Единственное, наверное, о чем я даже не мог мечтать – это о таком колоссальном признании и любви публики. Я не мечтал быть едва ли не героем страны. Я просто не знал, что это такое».

Дмитрия Хворостовского полюбили не только искушенные меломаны, но и люди очень далекие от оперного искусства. Это произошло в тот момент, когда в 2003 году он впервые без всякого плакатного натиска, а с обнаженной душой исполнил наши главные песни о самой страшной войне XX века. «Петь перед ветеранами, – вспоминал Дмитрий Хворостовский, – очень ответственно. Они слушают со слезами на глазах, а потом с комком в горле говорят, что твой концерт продлил им жизнь на несколько лет. Такое забыть невозможно. Иногда мне даже кажется, что мой диск военных песен должен продаваться, наверное, на пару с бутылкой воды».

Он казался баловнем судьбы: его родными театрами были лучшие оперные дома мира – «Метрополитен-опера», Венская Государственная опера и, конечно, лондонский «Ковент-Гарден». В Лондоне, городе, который он очень любил, где прожил больше двадцати лет и где родились все четверо его детей – близнецы Данила и Александра, Максим и Никочка, которой сегодня лишь десять лет. Беспрецедентный случай: в



В связи с кончиной Дмитрия Хворостовского посольство России в Великобритании открыло книгу соблезнований. А Венская опера подняла над зданием траурные полотнища. «Мет» посвятила памяти русского певца четыре исполнения «Реквиема» Верди, Королевская опера – премьеру «Риголетто».

Вердиевские герои Дмитрия Хворостовского – Симон Бокканегра, Родриго в «Дон Карлосе», Жермон в «Травиате», Ренато в «Бале-маскараде», Яго в «Отелло», Граф Ди Луна в «Трубадуре» и, конечно, Риголетто, как и Елецкий в «Пиковой даме» и главная партия всех русских баритонов – Евгений Онегин Чайковского, – оставляли незабываемое впечатление. Дмитрий Хворостовский всегда пел без притворства, страстно и беспредельно музыкально. И полушутя, полусерьёзно рассказывал: «Злодеев играть здорово, захватывающе интересно. Я делаю это на сцене с упоением. Потому что это прекрасная возможность дать выход низменным порывам. Ведь в каждом человеке, конечно, и злодейства, и властолюбия полно. И, по большому счёту, всю жизнь только этим и занимаешься, что душишь, давишь в себе это на корню. А тут тебе такая возможность предоставляется, и ты, как павлин, раскрываешься. И потом снова становишься добрым и пушистым».

Я идеалист и хочу заставить толпы людей таким же экзальтированным образом бесноваться, реагируя на оперу, как это происходит на всяких популярных шоу. Этого пока, к сожалению, не происходит, так как сегодня мало кто в мире хочет постигать суть вещей и культуру. Люди стали кичиться своей



необразованностью, нежеланием узнать что-то новое. Но я уверен, что надо искать какие-то неожиданные ходы, чтобы побуждать интерес людей к искусству, духовным ценностям».

Но Россия, в отличие от Европы и Америки, знала Дмитрия Хворостовского лишь по концертам – на родине он пел с невероятной душевной щедростью. Дома его практически не слышали и не видели на оперной сцене. В Мариинском театре было лишь два спектакля – «Пиковая дама» и «Фауст». В Москве он спел лишь три оперы: «Евгений Онегин» весной 1989 года на сцене Музыкального театра имени К.С.Станиславского и Вл.И.Немировича-Данченко, в декабре 2000-го – «Риголетто» в «Новой Опере», а в начале 2015 года, за три месяца до того, как он узнал о своём страшном диагнозе, – «Демона» Рубинштейна вместе с театром «Геликон» в полуконцертной постановке Дмитрия Бертмана. Два Дмитрия Александровича были дружны, что редко случается между певцами и режиссёрами. И вместе мечтали о том, как их «Демон» весной 2018-го прилетит в Барселону и потом отправится в путешествие по всему миру. Но из-за болезни Хворостовский вынужден был отказаться от всех выступлений в театре. «В опере я больше не пою, только концерты. Я осознал, что до болезни практически никогда не страдал, по большому счёту. Надеюсь, это испытание сделает и



меня, и мой окружающий мир лучше, яснее, понятнее; жизненные ценности кристаллизуются. Я хотел бы сказать, что Господь Бог ведет нас по жизненным виражам, но я в него не верю. Господь Бог не может знать и думать о каждом из нас. Мы сами себе предоставлены. Я уверен, загробной жизни нет и не может быть. Нам дается только одна жизнь, которую мы должны прожить без черновиков, с первой попытки, пытаюсь оставить след и быть счастливыми. Потому что потом у тебя не будет никакого шанса».

В это до сих пор невозможно поверить, но очевидно, что сколь великим талантом и феноменальным голосом, ставшим достоянием мирового искусства, одарила Дмитрия Хворостовского природа, столь жестокое и абсолютно беспощадное жизненное испытание приготовила ему судьба. И вся трагедия его оперных образов стала реальностью его жизни.

«Я заметил, – размышлял Дмитрий Хворостовский в одной из наших последних бесед, – что чувство страха в таких обстоятельствах полностью атрофируется. Приходит понимание того, что никто тебе не поможет. Лишь только ты сам себе. И тут главное не дать слабину. Здесь только воля и терпение – твои верные союзники. У меня была потрясающая карьера. Мой голос – это часть меня, часть дела, которому я служу. Огромного дела, которое меня спасает сегодня, без которого я не могу жить. Но в любом случае, я понимаю, лучшее уже позади: молодость, лучший голос... Что поделать? Но я продолжаю биться с болезнью и надеяться. Надежда для меня сейчас самое насущное слово!

Я всегда вел и веду исключительно честную игру с жизнью. Ставка слишком высока... Я ничего не загадываю. По сравнению с тем, что мне приходится переживать, прочие житейские неурядицы – полная ерунда. Многие из того, что меня раньше бесило, с чем не мог мириться до болезни, сегодня не имеет совершенно никакого значения».

Дмитрий Хворостовский знал, что 8 мая нынешнего года на гала-концерте в Нью-Йорке он прощается со своей публикой в «Мет», а 28 мая с Петербургом и 2 июня – с Красноярском. Он очень надеялся, что сможет спеть предновогодний концерт в Москве. Но последний раз он вышел на сцену 23 июня на австрийском фестивале «Grafenegg» – это был концерт в рамках его знаменитого проекта «Дмитрий Хворостовский и друзья», где он пел вместе со своими прославленными коллегами. И всегда за своих гостей переживал больше, чем за себя и очень старался, чтобы зал принимал их столь же восторженно, как его.

Дмитрий Хворостовский по натуре был очень закрытым человеком. И, как никто другой, знал, что такое публичное одиночество. «Если чего я и хочу, так это, чтобы люди знали и помнили мой голос, а не зачитывались баснями и сплетнями вокруг моего имени», – признавался певец. Он записал около полусотни дисков. А 10 ноября, когда смерть уже сильнее и сильнее сжимала его в своих объятиях, вышел релиз диска «Риголетто», которого Дмитрий очень ждал, понимая, что это его последняя запись. «Это эпохальная работа. Сейчас, в моем положении я уже так никогда не спою. И, быть может, никто так

не споет. У нас получилась изумительная запись. Если певцы специально ради меня ни один раз пропели между своими спектаклями на звукозаписывающие сессии. За что я всем своим коллегам очень благодарен...»

А «Отчалившая Русь» Георгия Свиридова – запись сделанная с оркестром, за дирижерским пультом которого был верный соратник певца Константин Орбелян, через несколько дней после операции певца была номинирована на премию «Грэмми». Свиридов оказался совершенно особым композитором в творческой биографии певца. Хотя на пороге 2000-х со своим тогдашним аккомпаниатором Михаилом Аркадьевым Дмитрий Хворостовский начал работать над свиридовской музыкой без композиторского благословения, пренебрег до того существовавшей исполнительской традицией, когда автор властно контролировал каждый шаг певца. Но спел «Отчалившую Русь» так, что свой вокальный цикл на стихи Блока «Петербург» Свиридова посвятил Хворостовскому...

Согласно последней воле певца, его прах захоронен в Москве на Новодевичьем кладбище и в его родном Красноярске.

Фото из архива журнала «Музыкальная жизнь»

не: ►  
М  
М  
В: ▼  
М  
М

